

Зимняя ночь.

Я вышелъ прогуляться. Стояла чудная зимняя ночь. Луна во всемъ величїи и красотѣ сіяла на темномъ куполѣ неба. Серебряный свѣтъ лился отъ нея на землю. Слегка подуваль вѣтерокъ. Легкія, тонкія облачка, подобно дыму, плыли подъ ней нисколько не заслоняя свѣта. По всему небу, точно брилліанты, сверкали и горѣли звѣздочки. На горизонтѣ каймой темно-сѣрыхъ облака. Деревья, опушенные инеемъ, стояли во всей своей суровой зимней красотѣ. Они казались такими же кудрявыми, что и лѣтомъ, а тѣни отъ нихъ не меньше, чѣмъ лѣтомъ. Бѣлыя кудри ихъ искрились при свѣтѣ луны. Стояли они величаво и не шелохнулись; а среди ихъ такая же бѣлая, какъ и они, но еще величавѣе, стояла сельская церковь. Гляжу отъ церкви на село, а оно точно вымерло: ни огонька въ окнахъ, расписанныхъ морозомъ, ни звука; развѣ гдѣ треснетъ бревно или крыша тесовая. Въ полѣ еще меньше жизни, еще мертвеннѣе. Жутко тамъ одному; но и хочется туда. Смотря же на величественно плывшую въ небѣ луну, на сверкающія разноцвѣтными огнями звѣзды, на серебряную красоту березъ, поражаешься

премудростію Создателя; я умилился духомъ, и чудныя мысли, хорошія мысли приходили на умъ. Такъ и стоялъ бы еще и еще, погружаясь въ созерцаніе зимней природы. — Только чувствительный холодъ заставлялъ уступить.

Декабря 12-го

1890 года.

С. Спасъ-Домъ А. Писаревскій.

Мачиха и падчерица.

Былъ я недавно въ домъ одномъ.....

Тамъ все исправно. Горе въ другомъ.....:

Дома хозяйка красна и полна,

Дѣла незнайка и ужъ очень вольна.

Руки бѣлы и красивы на взглядъ,

И перстнями онѣ и горять и блестятъ.

Житье ей привольно. Ёда ей сытна,

Сна ей довольно, спитъ до полдня.

У ней падчерка есть. Вотъ святая душа!

Изсушила болѣзнь ее и сушить не спѣша:

Раны вскрылись, гниютъ, спину горбомъ свело;

Ноги еле идутъ Нѣтъ здоровья! Ушло!

А лицо такъ блѣдно, что и снѣга бѣлѣй;

Все твердить въ ней одно: Ахъ, въ могилу скорѣй!

Какъ покорно несетъ всѣ болѣзни она!

Долго-ль такъ проживетъ? Какъ ей жизнь тяжела!

Вѣдь работаетъ какъ при болѣзни своей!

Удивляется всякъ, кто посмотритъ за ней.

Она ведра съ водой, подгибалась, тащить....

А глаза-то слезой оросились .... Молчить:

Она знаетъ: за ней очень зорко слѣдять

И спѣшить поскорѣй, а не то забранить.
 И покоя ей нѣтъ ни минуты одной!
 И вставай-то чуть свѣтъ, и бѣги за водой,
 И скотину напой, накорми, обряди;
 А пришедши домой, скорѣй печь затопи.
 „Самоваръ ставь скорѣй и квашню замѣси,
 Въ умывальникъ налей, полотенце неси:
 Постоялецъ нашъ всталъ; ему надо спѣшить;
 Онъ вѣдь долго хворалъ. Надо дѣтокъ учить.
 Поставь чашки на столъ и закуску подай;
 Подмети пока полъ, да въ сарай побывай“,
 Такъ ей строго кричитъ ея мачиха-мать.
 А она лишь молчитъ. Слова ей не сказать!

1888 года.

С. Ильинское.

Значеніе растений для здоровья, вообще, и въ городскихъ поселеніяхъ въ особенности *)

Растительность вообще оказывается тѣмъ роскошнѣй, чѣмъ дѣятельнѣе совершаются въ почвѣ бродильныя измѣненія, являющіяся послѣдствіемъ разложенія гнющихъ веществъ. Относительное же количество веществъ въ этомъ отношеніи не имѣетъ первенствующаго значенія, хотя здѣсь не лзя не упомянуть, что большую роль при этомъ играетъ присутствіе влаги. Слѣдующіе примѣры ясно доказываютъ это. На западѣ Америки существуютъ равнины, которыя, не смотря на почву, содержатъ обильное количество различнаго рода остатковъ, и все-таки почти совершенно лишены растительности, за исключеніемъ разбросанныхъ по нимъ кустовъ шалфея и мѣстами встрѣчающихся кактусовъ.

*) Извлеченіе изъ чтеній въ Императорскомъ Россійскомъ Обществѣ Садоводства, съ позднѣйшими добавленіями